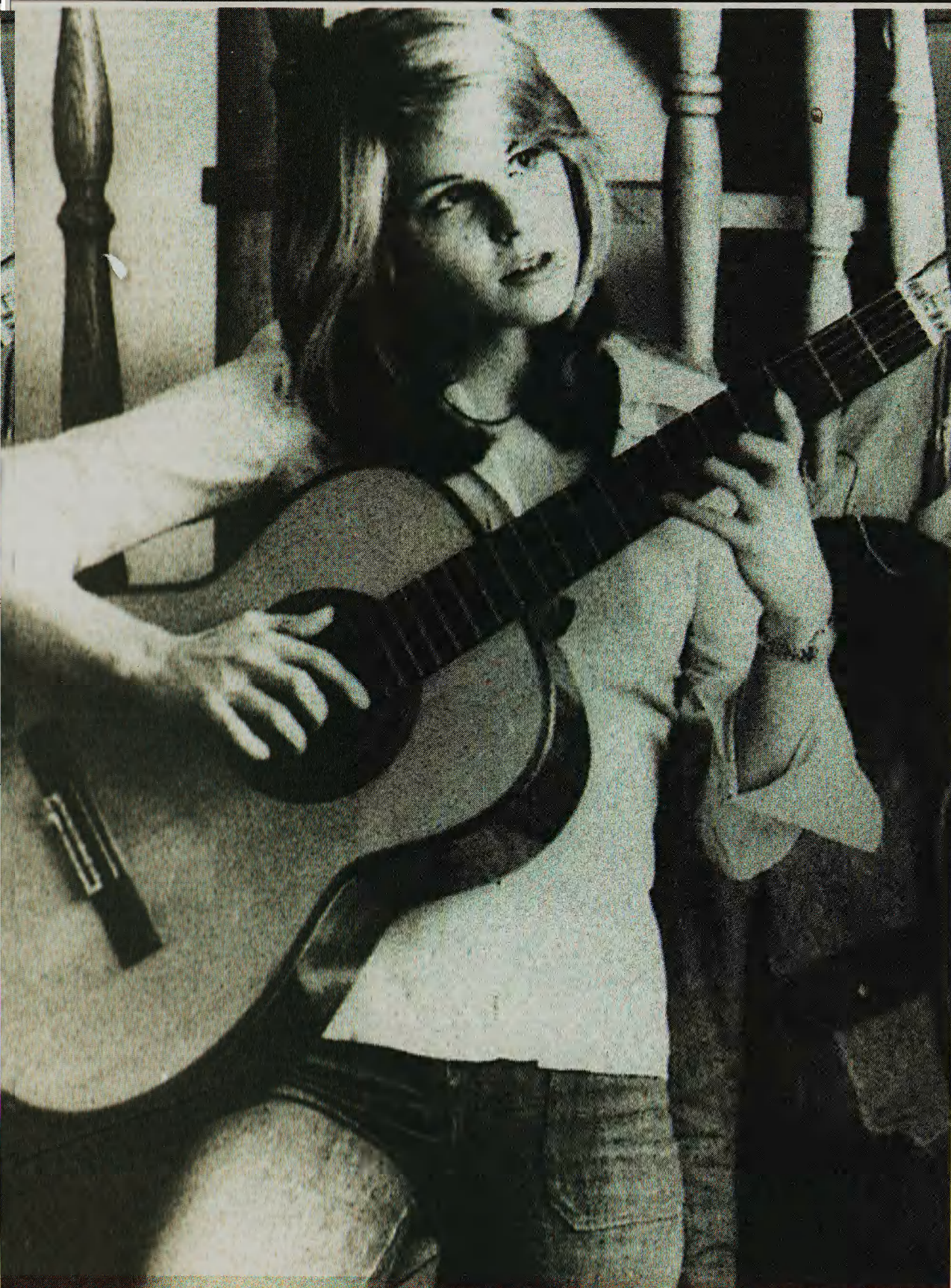


Я узнал, что мои самые отдаленные предки, известные с XVII века, были крестьянами, не процветающими фермерами, а сельскохозяйственными рабочими, сдающими в аренду свои руки на неделю, на месяц или на год



Любимая дочь Сименона
Мари-Джо. Середина 60-х

ганами. На следующей ступени стояли ремесленники: ведь они тоже работали своими руками и тоже пачкались. Ну а мы располагались выше, на третьей ступени. Мой отец был служащий, бухгалтер, неизменно одетый в темное, приличный и безукоризненно чистый. Сегодня таких называют «белыми воротничками». В то время говорили «интеллигенты», потому что на жизнь они зарабатывали своим умом. Разве он, в отличие от своих братьев, не получил звание бакалавра по латыни и греческому?

В действительности подобные «интеллигенты» были беднее ремесленников и рабочих. Чтобы в этом убедиться, достаточно было пройтись утром по улицам в день Святого Николая, праздник мальчиков; американцы, переведя имя святого как Санта-Клаус, превратили его в Деда Мороза с белой бородой, который пролетает над крышами в сани, запряженных северными оленями.

На людных улицах я видел детей, которые гордились своими игрушками — авто с никелированными педалями, детскими велосипедами, сложными «конструкторами», — тогда как я, кроме традиционного пряника, получал тарелку сушеных фруктов с апельсином посередине, тюбики свежих красок, которые заменяли пустые тюбики в моей старой многолетней коробке. Ибо я, как и ты, страстно увлекался живописью, но, ничего не выдумывая, ограничивался копированием почтовых открыток.

Понимаешь ли ты, почему спустя много лет, когда ты и твои братья раскрывали на Рождество пакеты с великолепными подарками, мне невольно случалось с грустью улыбаться? Вы были богаты. Ничто не приводило вас в восторг, и вы были менее счастливы, чем я. Я часто испытывал страх за вас. Мне случалось и жалеть вас. В сущности, это удача — родиться бедняком и по достоинству ценить обыкновенный апельсин.

Я работал продавцом в книжном магазине, но нисколько не стыдился обслуживать моих друзей из коллега Сен-Серва. Я стал молодым репортером и смог наконец купить себе велосипед, о котором мечтал с самого раннего детства. Разумеется, мои средства были очень ограниченными; я еще носил костюмы, которые выглядели элегантно на витринных манекенах, но начинали садиться после первого дождя, так что мои брюки были слишком короткими, а плечи слишком узкими.

Это была только легкая тень в моей жизни, которую я принимал целиком, жизни, в которой было важно все: увиденный мельком силуэт женщины, лица, которые проплывали передо мной, словно портреты на художественной выставке, желтеющая листва или шелковистая зелень трав на солнце. Пережила ли это ты, переживали ли вы, все четверо, нечто подобное в обширных садах, окружавших наши дома или наши замки? Я не уверен в этом и чувствую, что здесь есть и некая моя вина. Шофер отвозил вас на автомобиле в школу или в колледж и привозил обратно. По возвращении вас встречали няня или гувернантка, готовые исполнить любые ваши желания.

Какая меня ждала судьба? Я не знал, и этот вопрос часто вызывал у меня неприятную тревогу.

Однако этот же вопрос был знаком и вам всем. Что касается меня, то говорил не о моих генах, а о моей наследственности, и из книги одного профессора, который исколесил три провинции, чтобы выяснить мое происхождение, я узнал, что мои самые отдаленные предки, известные с XVII века, были крестьянами, не процветающими фермерами, а сельскохозяйственными

рабочими, сдающими в аренду свои руки на неделю, на месяц или на год.

Они и ваши предки, по крайней мере с отцовской стороны. Предки с материнской стороны тоже важны, но в том, что касается Тужи, моей первой жены, или моей второй жены из Канады, мои знания не столь полные.

Ты, моя девочка, познакомилась с Тужи у Марка и, подобно твоим братьям, стала ласково называть ее Мамуля. Вероятно, ты бывала у нее в доме в Ньель-сюр-Мер, в Приморской Шаранте, совсем близко от Ла-Рошели. Вы, мои сыновья и моя дочь, знаете, что этот очень старый дом, который несколько веков тому назад был монастырем, я обустроил с мыслью, что когда-нибудь мои внуки будут проводить в нем каникулы? Так более или менее и случилось, но меня там уже нет, чтобы видеть вас, потому что мы с Тужи развелись, правда, оставшись добрыми друзьями.

Я встретил ее... На первый взгляд это касается только Марка и его детей, но, в действительности, касается вас четверых, ибо я убежден, что наше окружение, все встречи, которые бываю у нас в детстве и отрочестве, влияют на наш характер и нашу судьбу.

Будучи репортером в «Газет де Льеж», я случайно встретился с бандой юных «мазил», как тогда говорили, то есть молодых художников, недавно выпущенных из Академии или оканчивающих в ней свою учебу. Благодаря им я познакомился с одной девушкой, Ретиной Раншон, имя которой мне не нравилось и которую я перекрестил в Тужи — слово, ничего не означающее, но все-таки не Королева!

Она была довольно высокая, носила какое-то бесформенное коричневое пальто, башмаки без каблуков. На ее волосах, тоже коричневых, гладко причесанных на прямой пробор, была коричневая шапка из той же ткани, что и пальто, похожая по форме на баскский берет. Никаких кружев, вышивок, фантифлюшек. Она шла решительным размашистым шагом, не оглядываясь по сторонам, и ее глаза, затененные густыми ресницами, были устремлены вперед.

У нее был живой ум, обширные знания, особенно в области искусства, и в составленном нами, моими друзьями и мной, маленьком кружке на всех большое впечатление производили ее изысканные реплики, всегда смешные, но иногда окрашенные беззлобной иронией.

Была ли это любовь с первого взгляда? Нет, но я искал ее общества, я всегда мечтал о двух тенях на слегка освещенной шторе и думал, как будет приятно оказаться вечером с ней под укрытием этой шторы, стать одной из двух теней.

После трех месяцев, в течение которых мы вместе проводили один вечер в неделю в ее мастерской, — она мне заменила «Боченок сельдей», о котором я очень часто рассказывал, — я усвоил привычку в девять часов вечера ждать Тужи у дверей Академии живописи, где она занималась в классе обнаженной натуры. Я под руку провожал ее домой, выбирая среди улиц наименее освещенные и наименее оживленные, и, хотя мы иногда останавливались, чтобы поцеловаться, говорили мы главным образом о Фидии и Праксители, о Рембрандте и Ван Гог, о Платоне, Вийоне, Спинозе и Ницше.

Была ли это любовь? Да, без сомнения, но любовь в основном интеллектуальная, в которой плоть все-таки сыграла свою роль, но иступления и экстаза не было.

Она жила со своей семьей в просторном и внушительном доме с порталом, что был построен в эпоху конных экипажей, с огромными воротами, старыми конюшнями в глубине двора; на первый этаж вела широкая мраморная лестница в два пролета. Семья проживала в основном на третьем этаже, куда вскоре я стал избегать каждый вечер, чтобы оставаться там до десяти часов...

Мне было семнадцать лет, когда я встретил Тужи. Мне было восемнадцать, когда, еще до призыва в армию, меня отправили холодной зимой в оккупационные войска в Rote Kaserne (Красные казармы) в Аахен, где мне пришлось видеть, как женщины отправлялись за покупками, толкая перед собой тачку, забитую баночками в сто, тысячу, потом в миллион марок, и где мы, мои товарищи и я, остриженные наголо, получая жалованье в двадцать пять бельгийских сантимов, могли обедать в самых роскошных ресторанах города.

Каждый день я обмороженными пальцами тем не менее писал длинное письмо Тужи, иногда два, и я предпологаю, что она их сохранила. Они представляли собой гимн любви, ибо любовь переполнила мое сердце. Позднее я понял, что это скорее был гимн женщине, нежели гимн определенной особе. Мне очень хотелось бы, я признаюсь в этом, перечитать эти восторженные фразы, самые романтические, по моему, из всех, что я написал за свою жизнь.

Чтобы не оставаться в разлуке с Тужи, я просил и добился перевода меня в Льеж, в Уланскую казарму, расположенную менее чем в четырехстах метрах от дома моей матери, и каждый вечер, в восемь часов, я

поднимался на третий этаж, в гостиную моих будущих тестя и тещи.

Мой отец умер в то время, когда в Антверпене, куда послала меня «Газет де Льеж», я занимался любовью с одной дальней родственницей в отеле, где назначают свидания проститутки, и я, сойдя с поезда в Льеже, увидел Тужи и ее отца, которые поджидали меня на перроне, чтобы острожно сообщить мне это известие.

Мой отец, уже убранный и одетый, лежал со сложенными на груди руками, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы коснуться губами его холодного виска.

Мне было девятнадцать лет. Через несколько дней я уехал из Льежа в Париж, где мне обещали должность секретаря у очень известного тогда писателя, сегодня забытого.

Плохо освещенный перрон вокзала в Льеже, вечер, туман, придающий драматичность этой сцене. На перроне Тужи и ее отец, чьи лица и прощальные жесты я видел расплывчато сквозь грязные, мок-

Я работал продавцом в книжном магазине, но нисколько не стыдился обслуживать моих друзей из коллега Сен-Серва

рые стекла. Это было 14 декабря 1922 года; эта дата должна вам казаться очень далекой, но мне, наоборот, кажется совсем близкой.

На рассвете пригород Парижа, похожие на скалы дома по обе стороны железнодорожных путей, бедные и серые дома, большинство окон в которых освещены: в них были видны простые люди, поспешно одевающиеся, чтобы мчаться к месту работы. Чудовищный Северный вокзал, на который я не знаю сколько поездов вываливают свой груз людей: те, мрачные, едва проснувшиеся, стадом бредут к выходам.

Лил дождь, холодная вода быстро насквозь промокала мой хлопчатобумажный плащ и сношенные подметки. Мой чемодан из искусственной кожи, в котором содержалось все, чем я владел, был тяжелый и заставлял меня склоняться набок. «Простите, мадам, нет ли у вас свободного номера, не слишком дорогого?» — «Все заняты».

В ту послевоенную эпоху во всех парижских отелях все номера были заняты. Вокруг меня дома, совершенно не похожие на те, что я знал, ошеломляющее движение транспорта — вперемешку трамваи, фиакры и такси. Длинная пологая улица. Пять, шесть, может быть, десять отелей, более или менее подходящих.

«Мест нет!» Ответ звучит резко и бесчеловечно; сырой холод все больше притирает меня до костей.

Круглая площадь. Налево идет бульвар, бульвар Рошшур, это название мне знакомо по романам, которые я читал. Значит, это Монмартр! Серый и грязный Монмартр.

Я стал молодым репортером и смог наконец купить себе велосипед, о котором мечтал с самого раннего детства

— Простите, мадам...

На другой стороне бульвара ветряная мельница. «Мулен Руж». Пустые и закрытые кабаре «Дохлая крыса», «Ад и рай»... Площадь Пигаль. Площадь Бланш. Я еле плелся, рука с чемоданом занемела, но я чувствовал себя счастливым.

Площадь Клиши. «Закусочная Венер», в которой на террасе сидело множество знаменитых художников и, главное, писателей. В декабре терраса закрыта, и сквозь пелену дождя не видно даже огней внутри.

...Бульвар Батиньоль. Старый припев, который слышал на уличных углах в Льеже: «Мария, Мария, гроза Батиньоля».

Идущая направо улица и вывеска отеля. «Простите, месье, нет ли...» Ну и ну! Да, есть свободный номер, в мансарде, на том этаже, при входе на который находится полоска красной ковровой дорожки.

Я сбрасываю свою поклажу. Я бегу по адресу, который сообщил мне в письме писатель, чьим секретарем я должен стать. В глубине тупика какой-то скрюченный домик. Дверь распахнута настежь. Чей-то голос кричит мне с верха лестницы: «Поднимайтесь!»

Все серое, грязное, все унылое, как в отдельных канцелярских конторах, что открыты для публики. Две молодые женщины, рыжеволосый мужчина с налитым кровью лицом, еще мужчина постарше, более ухоженный, с тонкими черными усиками.

— Капитан Т., — представляется он.

— Я пришел по поводу места...

— Это вы — молодой бельгиец? Вы говорите по-французски?

Я так и не стану секретарем писателя. Эту должность занимает одна из молодых женщин с вытянутым лицом мадонны и светлыми глазами, а здесь требуется лишь курьер. Тем хуже для моих мечтаний.

Жорж Сименон

Воспоминания о сокровенном

Только в «Известиях» читайте отрывок из знаменитых мемуаров Жоржа Сименона, написанных им для дочери Мари-Джо, покончившей с собой в своей квартире на Елисейских Полях. Книга выйдет в свет в феврале в издательстве «Вагриус». Еще до публикации читатели «Известий» первыми могут познакомиться с автобиографией создателя легендарного комиссара Мегрэ, изобилующей откровенными подробностями частной жизни писателя.



Он длинный был, Он тощий был, Ступни большие, нос большой, Голодный взгляд... Он длинный был, Он тощий был, Да-да, он был смешной! Конечно, всегда слегка голодный, как и все небогатые бельгийцы, что не могли доставать себе продукты на черном рынке. Мне шел шестнадцатый год, и семейный врач уведомил меня, как позднее врачи по ошибке скажут то же самое и мне, что моему отцу осталось жить всего не более двух лет. На этот раз дело было серьезное, ибо он давно страдал грудной жабой, которую тогда еще не излечивали.

Он оставил его в 16 лет. В 1919 году начал работать в льежской Gazette, а в 17 опубликовал первый роман. Занимаясь коммерческой литературой, Сименон напечатал около 200 романов под 16 псевдонимами. Однако настоящий успех у читателей имела публикация 1931 года романа «Петер-латыш» — одного из первых романов о Мегрэ. В начале 1930-х годов Сименон писал уже по роману за месяц и по рассказу еженедельно.

И все-таки этот стипендик, продолжения которого я не помню, — я его нацарапал на клочке бумаги на чердаке, куда уединялся, — несмотря на мое безграничное восхищение отцом, почти обожание его, по тону был какой-то веселенький.

Это было летом 1917 года, и, поскольку я понимал, что не смогу провести у иезуитов на улице Сен-Жиль два года, отдавшие меня от экзамена на бакалавра, я, чаще всего рано утром и поздно вечером, бродил по многолюдным улицам или по зеленым холмам.

Я испытывал голод, именно голод ко всему, к бликам солнца на домах, деревьях и лицах, голод ко всем женщинам, что попадались мне навстречу: покачивания их зада было достаточно, чтобы вызывать у меня почти болезненную эрекцию. Сколько же раз я утешал этот голод с девочками постарше в подвезде дома на темной улице? Или же укралкой пробирался в один из тех домов, в окне которого более или менее полная и желанная женщина невозмутимо что-то вязала, прежде чем задернуть желтоватую занавеску, как только входил клиент...

Я жаждал жизни и шнырял по рынкам, тут любуюсь овощами, там разноцветными фруктами, а в других рядах — цветочными прилавками.

«Большой нос», да, моя маленькая Мари-Джо, это верно, ведь я вдыхал жизнь ноздрями, всеми порами впитывал краски, огни, запахи и звуки улицы.

Я уже рассказывал обо всем этом в другом возрасте, в другом контексте, но сейчас я воскрешаю все это для тебя, у кого, я уверен, это затронет отдельные струны души, и для твоих братьев, знающих меня хуже, чем ты.

Мы были бедные. Не настоящие бедняки, те, что в самом низу той социальной лестницы, которую буржуа, обеспеченные люди, богачи создали повсюду в мире и из которой вызвала мое возмущение. Разве все мы не были людьми?

Тогда в самом низу лестницы находились заводские рабочие, чьих детей, что шумно играли на улицах, моя мать обзывала хули-



Жорж Сименон со своим сыном Марком. Начало 30-х годов.